

DOI 10.24411/1813-145X-2019-1-0579

УДК 008:14

<https://orcid.org/0000-0002-1633-5054>

В. П. Федюк

Театральность и русская политическая традиция революционной эпохи

Для цитирования: Федюк В. П. Театр и русская политическая традиция революционной эпохи // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 6 (111). – С. 204-207.

В статье рассматриваются особенности публичной политики в период русской революции 1917 г. Главной причиной формирования таковых было характерное для императорской России отчуждение рядовых граждан от принятия политических решений. В итоге, уже будучи реальным действующим лицом политики, народ не сумел этого правильно понять и стал объектом манипулирования многочисленных популистов. Главными качествами, определявшим взлет и падение того или иного политического деятеля в это время, становятся его ораторские способности. Самым ярким примером такого рода может служить карьера А. Ф. Керенского. За короткий срок, с марта по октябрь 1917 г., он прошел путь от рядового депутата парламента до главы правительства, став самым молодым обладателем этой должности за всю историю России, включая современный ее период. Политические вожди русской революции сами не имели опыта выступления в этом качестве и зачастую брали за основу при общении с толпой приемы, характерные для театра и кинематографа. Ориентиром для этого служили далеко не лучшие образцы, в результате чего итог был почти карикатурным. В течение восьми месяцев после крушения монархии Россия тонула в море слов. Реальное же положение вещей, будь то ситуация на фронте, положение дел в экономике или в сфере финансов, неуклонно ухудшалось. Неизбежным итогом этого стало обесценивание слов, особенно публичных обещаний из уст власть имущих. На сегодняшний день это, наверное, самая серьезная проблема в диалоге власти и общества, но далекие истоки ее следует искать в событиях более чем столетней давности.

Ключевые слова: русская революция, театр, Керенский.

V. P. Fedjuk

Theatricality and Russian political tradition

The article considers the peculiarities of public policy during the Russian Revolution of 1917. The main reason for its formation was the exclusion of ordinary citizens from political decisions, which was typical for imperial Russia. As a result, having become a real actor of politics, the people failed to understand it in a proper way and became the object of manipulation of numerous populists. The main quality that determined the rise and fall of a political figure at that time was his oratory abilities. The most striking example of this kind is the career of A. F. Kerensky. In a short period of time from March to October 1917, he worked his way up from an ordinary member of the parliament to the head of government, he was the youngest one in the history of Russia, including its modern period. The political leaders of the Russian Revolution had no experience in speaking engagement by themselves and often used typical theatre and cinema techniques as a basis of communication with the crowd. The reference point for this was far from the best samples, and the result was quite caricature. Within eight months after the monarchy collapse, Russia was sinking into the sea of words. The reality, whether it was the front, the economy or finance, was steadily deteriorated. The inevitable result of this was the devaluation of words, especially public promises from the hands of those in power. Nowadays, this is probably the most serious problem in the power-society dialogue, but distant origins should be found in events more than a century ago.

Keywords: Russian revolution, theatre, Kerensky.

В России политика долгое время была делом ограниченного круга лиц, большей частью из числа приближенных к носителю верховной власти. Это определяло и характер политической традиции, и персональные требования, предъявляемые к участнику этих процессов. Иначе говоря, в этой ситуации востребованным становился

скорее хитрый интриган, нежели человек, умеющий убеждать, а тем более – говорить с массами.

Положение в некоторой степени изменилось с появлением в России первых элементов парламентской демократии. В Государственной думе появился новый тип политиков, для которых ораторское искусство было важнейшим инструментом. Но специфика аудитории, по большей части

состоявшей из людей образованных, определяла характер парламентских выступлений. Как правило, это было что-то вроде лекций, которые одни профессор читали другим.

Все изменилось в одночасье с крушением российской монархии. Будущий белый вождь генерал П. Н. Врангель, оказавшийся весной 1917 г. в Петрограде, вспоминал: «Это была какая-то вакханалия словоизвержения. Казалось, что столетиями молчавший обыватель ныне спешил наговориться досыта, нагнать утерянное время. Сплошь и рядом в каком-либо ресторане, театре, кинематографе, во время антракта или между двумя музыкальными номерами какой-нибудь словоохотливый оратор влезал на стул, начинал говорить. Ему отвечал другой, третий, и начинался своеобразный митинг. Страницы прессы сплошь были заняты речами членов Временного правительства, членов Совета рабочих и солдатских депутатов, речами разного рода делегаций. Темы были всегда одни и те же: осуждение старого режима, апология «бескровной революции», провозглашение «борьбы до победного конца» (до «мира без аннексий и контрибуций» тогда еще не договорились), восхваление «завоеваний революции» [3, с. 27].

Совершенно неожиданно главными героями дня стали те представители социальных низов, к которым образованное общество привыкло относиться с презрением. Ведь именно им предстояло голосовать на выборах в Учредительное собрание, да и прямо сейчас они могли легко повернуть историю страны в самое неожиданное русло. Политикам новой эпохи нужно было научиться нравиться этой толпе, что было непривычно и трудно.

Наше нынешнее время не случайно называют эпохой медиакратии. Средства массовой информации, прежде всего телевидение, формируют поведенческие модели, которые находят миллионы подражателей. Конечно, сто лет назад все это еще не имело подобных масштабов. Тем не менее сторонние факторы, влияющие на поведение человека, существовали и тогда. Прежде всего, это были книги. Люди в ту пору (мы имеем в виду, разумеется, образованную часть общества) читали больше, чем наши современники, и круг чтения в значительной степени определял формирование личности. Но не менее важным инструментом в этом процессе был театр.

В случае с книгой читателю приходилось прилагать собственную фантазию, чтобы довершить облик и характер персонажа. Театр же

предлагал готовый, законченный образ. Но до великой революции, совершенной К. С. Станиславским, русский театр находился в плену штампов и сценических условностей. В значительной мере они были неизбежны уже в силу несовершенства технологии. Публика на галерке могла различить мимику актеров, лишь напрягая глаза. Отсюда и аффектированное поведение героев тогдашних пьес – любое чувство должно было быть подкреплено жестом, позой, движением. Если уж персонаж переживал горе, то он должен был плакать навзрыд.

Нельзя недооценивать влияния этого обстоятельства. Театр в России всегда был одним из любимых развлечений, будь то академическая сцена или базарный балаган. Еще более усугубило ситуацию появление кинематографа. В короткий срок кино превратилось в самое популярное развлечение. Но отсутствие звука на экране заставляло актеров доводить чувства героев до полного гротеска. Театр и кино рождали массовое подражание. В обычных житейских ситуациях люди заламывали руки, падали на колени и никому это не казалось странным или искусственным. Бурное проявление эмоций было обычным делом, рыдающий мужчина или женщина, картинно падающая в обморок, вызвали скорее сочувственное, нежели ироничное отношение.

Успех политика новой эпохи во многом зависел от его артистических способностей. Не случайно уже во времена Великой Французской революции на гребне политической популярности оказались бывшие адвокаты – Дантон, Робеспьер, Мерлен. Выступление адвоката в суде куда больше походило на актерскую игру, чем чинная речь депутата думы. История русской революции тоже знает такой пример, может быть еще более яркий и символичный.

Не будем интриговать читателя – речь идет, конечно, об Александре Федоровиче Керенском. В детстве Саша Керенский мечтал стать «актером императорских театров» и активно принимал участие в деятельности гимназического драмкружка. Сразу скажем – избери Керенский сценическую карьеру, ему было бы не уйти дальше провинциальных подмостков. Его сценический опыт сформировался школьной «самодеятельностью», которая доводила актерские штампы до полной карикатуры. Но, как ни странно, эта ходульность, это откровенное переигрывание в будущем очень помогло Керенскому-адвокату, а Керенского-политика вознесло вообще до небес.

Жесты оратора, интонации, его постоянный надрыв переводили не очень грамотной аудитории непонятные слова в понятные чувства.

Практически все современники отмечают якобы поразительный ораторский талант Керенского. Действительно, революция была временем ораторов – больших и малых, талантливых и бездарных. Следует учитывать еще одно обстоятельство. В условиях дефицита массовых зрелищ эту нехватку в значительной мере восполняли революционные митинги. На популярных ораторов «ходили» как прежде ходили на талантливого певца или артиста. Не случайно существовало расхожее выражение «теноры революции», иронически обозначающее профессионалов этого жанра. В этом ряду Керенский был на одном из первых мест.

Английский дипломат-разведчик Р. Локкарт, человек далеко не восторженный, называл Керенского одним из величайших ораторов в истории [1, с. 163]. Однако вот что странно: опубликованные речи Керенского абсолютно не производят впечатления. В них нет ни убеждающей логики, ни эффектных риторических приемов. По содержанию своему они представляют собой набор повторяющихся фраз, излишне пафосных, излишне красивых и чаще всего абсолютно бессодержательных. «Я растопчу цветы души моей... Я замкну свое сердце и брошу ключи в море», – это типичные для Керенского обороты. Самая известная фраза Керенского о «взбунтовавшихся рабах» («Неужели русский народ – это нация взбунтовавшихся рабов?»), во-первых, – прямая цитата из К. С. Аксакова, а во-вторых, была подсказана ему накануне одним из собеседников.

Выступая перед многотысячной толпой, Керенский словно преображался. В обычной жизни у него был совсем не сильный, а скорее мягкий голос. К тому же он слегка картавил. Но на трибуне все менялось. Голос Керенского становился хриплым. Начиная речь спокойно и даже тихо, он к концу уже не говорил, а что-то отрывочно выкрикивал.

Американская журналистка Рета Чайлд Дорр так описывала выступления Керенского: «Он слишком взвинчен на трибуне, дергается, бросается из стороны в сторону, делает шаги назад и вперед, теребит свой подбородок... Все его жесты импульсивны и нервозны, голос довольно пронзителен» [8, с. 23]. Сенатор С. В. Завадский, знавший Керенского по министерству юстиции, полагал, что его

ораторские способности более воздействовали не на ум и даже не на чувства, а на нервы слушателей [5, с. 33]. Выступая, он заводил не только аудиторию, но и самого себя. Не удивительно, что всплески нервной энергии чередовались у Керенского с неизбежными срывами, очень напоминавшими наркотическую абстиненцию. Мы уже писали о том, что ходили слухи, будто Керенский и впрямь нюхает то ли эфир, то ли кокаин.

Позже, уже в эмиграции, писатель Р. Б. Гуль записал любопытную историю, услышанную им от Керенского. Речь шла о тех временах, когда Керенский еще работал адвокатом. Как-то председатель суда попросил его вкратце набросать содержание своего выступления. Керенский ответил, что сделать этого не может. «Почему?» – удивился собеседник. «Потому что, когда я выступаю, я не знаю, *что* я скажу. А когда я кончил, я не помню, *что* я сказал» [4, с. 71]. Публика слушала Керенского, но не слышала, о чем он говорит. Воспринимались не слова, а жесты, интонации, общий настрой. Причем эмоциональное воздействие выступлений Керенского было настолько сильно, что действовало не только на непосредственных слушателей, но через них – на более широкую аудиторию.

Можно сказать, что Керенский был телевизионным политиком дотелевизионной эпохи. Он имел тот необходимый артистический талант, который должен быть присущ каждому политику, напрямую общающемуся с массами. Несостоявшийся «артист императорских театров» все-таки взял свое. Но как в артисте или оперном певце аудитория ценила не слова, а манеру исполнения. В этом-то и была главная слабость Керенского-оратора. Он не убеждал, а заражал своими чувствами. Поэтому когда эмоциональный удар ослабевал, у слушателей не оставалось в головах ничего, кроме неясных воспоминаний.

Как талантливый артист Керенский умел и любил нравиться, причем эта любовь подчас принимала характер болезненной страсти. Это было его природным качеством, Керенскому сложно было сделать что-то с собой. Буквально за несколько дней до большевистского переворота он с гордостью сообщил своим коллегам по кабинету министров: «Знаете, что я сейчас сделал? Я подписал 300 своих портретов» [6, с. 20]. Как артисту ему льстила популярность,

как политик он принимал ее за искреннюю поддержку и просчитался в этом.

Конечно, ораторские способности Керенского сыграли огромную роль в формировании его необыкновенной популярности, но одного этого было бы мало. «Феномен Керенского» сложился из целого ряда факторов. Во-первых, молодость, которая воспринималась как положительное качество, учитывая, что каждому из трех последних премьеров царской России было далеко за шестьдесят. Во-вторых, то обстоятельство, что Керенский не уставал причислять себя к социалистам. Совместная пропаганда левых партий сумела в это время внушить значительной части населения представление о социализме как единственном варианте развития страны, а Керенский был лучшим кандидатом на роль живого воплощения этого курса.

Все это вместе взятое можно объединить одним словом – надежда. Даже в февральско-мартовские дни 1917 г., когда эйфория, казалось бы, захлестнула всех, в сознании людей подспудно нарастало ощущение чего-то страшного. Страна ждала лидера, человека, способного совершить чудо. Эти надежды же на лучшее постепенно и стали отождествляться с Керенским. Иллюстрацией таких настроений может служить стихотворение, присланное некой дамой из Моршанска в редакцию одного из столичных журналов:

Гляжу портрет его.
Какое славное лицо,
Как много мужества, ума и воли.
И стало на душе легко –
Анархии не будет боле [7, с. 153].

Эти строки могут показаться наивными и смешными, но они, несомненно, искренни. Понимая, чего от него ждут, Керенский играл сильного человека. Но это была только игра, ибо ни по причине личных качеств, ни в силу обстановки помешать надвигавшемуся ужасу он не мог. Постепенно это становилось все заметнее. Один из современников, достаточно близко знавший Керенского, позже писал: «Я редко видел человека, который бы так старался доказать свою силу и вместе с тем оставлял такое яркое впечатление безволия и слабости» [9, с. 312]. Постепенно это становилось заметно и другим.

В начале осени 1917, когда популярность Керенского уже начала стремительно падать, журнал «Республика» преподнес читателям запоздавший сюрприз – специальный номер, посвя-

щенный недавнему кумиру. Эпиграфом к нему стали строки: «Его, как первую любовь, России сердце не забудет» [2, с. 3]. Первая любовь, как это чаще всего и бывает, оказалась непрочной. Несбывшиеся надежды рождали разочарование, разочарование перерастало в ненависть. В памяти большинства Керенский остался калифом на час, человеком, развалившим Россию, приведшим к власти большевиков. И лишь немногие, те, кто сохранил память об «эпохе надежд», не предали поруганию ее главного героя.

Библиографический список

1. Брюс-Локкарт, Р. История изнутри [Текст] / Р. Брюс-Локкарт. – М. : Новости, 1991. – 320 с.
2. В-ий, В. А. Ф. Керенский [Текст] / В. В-ий. – Пг., 1917. – 37 с.
3. Врангель, П. Н. Записки [Текст] / П. Н. Врангель. – Кн. 1. – М., 1991. – 294 с.
4. Гуль, Р. Я унес Россию. Т. 2. Россия во Франции. – М. : Б. С. Г. – Пресс, 2001. – 560 с.
5. Завадский, С. В. На великом изломе [Текст] / С. В. Завадский // Архив русской революции. – Т. 11. – Берлин, 1923. – С. 5-73.
6. Кроль, Л. А. За три года [Текст] / Л. А. Кроль. – Владивосток, 1921. – 212 с.
7. Летопись (Петроград). – 1917. – № 5.
8. Чайлд Дорр, Р. Человек-загадка или политический фокусник? [Текст] / Р. Чайлд Дорр // Учительская газета. – 1994. – 23 апреля.
9. Шидловский, С. И. Воспоминания [Текст] / С. И. Шидловский // Февральская революция в описании белогвардейцев. – М., 1926. – С. 282-315.

Reference List

1. Brjus-Lokkart, R. Istorija iznutri = History inside [Tekst] / R. Brjus-Lokkart. – M. : Novosti, 1991. – 320 s.
2. V-ij, V. A. F. Kerenskij = Kerensky [Tekst] / V. V-ij. – Pg., 1917. – 37 s.
3. Vrangl', P. N. Zapiski = Notes [Tekst] / P. N. Vrangl'. – Kn. 1. – M., 1991. – 294 s.
4. Gul', R. Ja unes Rossiju. T. 2. Rossija vo Francii = I took Russia away. V. 2. Russia in France – M. : B. S. G. – Press, 2001. – 560 s.
5. Zavadskij, S. V. Na velikom izlome = At a great break [Tekst] / S. V. Zavadskij // Arhiv russoj revoljucii. – T. 11. – Berlin, 1923. – S. 5-73.
6. Krol', L. A. Za tri goda = In three years [Tekst] / L. A. Krol'. – Vladivostok, 1921. – 212 s.
7. Letopis' (Petrograd). Chronicle (Petrograd). – 1917. – № 5.
8. Chajld Dorr, R. Chelovek-zagadka ili politicheskij fokusnik? A mystery man or a political magician? [Tekst] / R. Chajld Dorr // Uchitel'skaja gazeta. – 1994. – 23 aprelja.
9. Shidlovskij, S. I. Vospominanija = Memoirs [Tekst] / S. I. Shidlovskij // Fevral'skaja revoljucija v opisanii belogvardejcev. – M., 1926. – S. 282-315.